

**«Общественная позиция»
(проект «ДАТ» № 12 (37) от 23 декабря 2009 г.**

ДИАЛОГ

**Досым САТПАЕВ, политолог:
ОЖИДАЕТСЯ ГОД КОНФЛИКТОВ**

В стране, где отсутствует политическая конкуренция и реальная публичная политика, где основные рычаги управления страной находятся в руках нескольких элитных групп, предпочитающих кулуарную деятельность, номинация «политик года» вообще не может существовать. Хотя довольно часто те же самые ангажированные рейтинги чуть ли не каждый год отдают эту номинацию действующему главе государства, что лишь подтверждает мнение о том, что политика у нас – монополия действующей власти.

– Досым, вот мы подошли к очередному рубежу, когда задаем себе вопрос: что я сделал за это время? Скажите, пожалуйста, как независимый политолог, каковы у нас итоги политического года без учета кризиса?

– Политические итоги года печальные, так как это было даже не топтание на месте, а несколько шагов назад, будь то косметические поправки в законы «О СМИ», «О политических партиях», «О выборах» или обсуждение идеи «пожизненного президентства» и «лидера нации».

– ...а с учетом кризиса?

– Финансовый и экономический кризис сильно сказался на росте протестных настроений. Этот год вообще является одним из лидеров по количеству акций протестов и митингов со стороны пострадавших от кризиса. Но проблема заключается в том, что в большинстве случаев власть либо слабо и неоперативно реагировала на эти процессы, либо занималась имитацией бурной деятельности под видом реализации антикризисной программы.

– Что вы считаете главным событием года? Например, институт Бахытжамал Бектургановой отметил главным событием года Послание президента к народу и его прямой телевизионный эфир...

– К сожалению, многие рейтинги чересчур ангажированы. Если к событиям года, например, относить Послание президента народу Казахстана, то такое событие происходит практически каждый год. Честно говоря, послание этого года ничем не лучше и не хуже того, что было озвучено в 2008 году. Проблема в том, что мы немножко по-разному понимаем словосочетание «главное событие года». Для одних это может быть очередная PR-акция, для других – новый скандал. Хотя я считаю, что к этой категории следует относить только то событие, которое будет иметь мультипликативный эффект в будущем. То есть речь идет о событии, которое говорит о наличии некоего среднесрочного или долгосрочного тренда. Например, к такому событию я бы отнес появление инициативы о «лидере нации» и «пожизненном президенте».

Во-первых, это результат внутриэлитных конфликтов за право определить новую, довольно примитивную политическую повестку дня. Во-вторых, сама навязанная дискуссия хорошо показала тот новый уровень страхов и тревог в окружении президента, который связан с ростом политической неопределенности. В-третьих, общество убедилось в том, что ничего креативного и свежего от нашей

элиты ждать не приходится. Следовательно, ни о какой абдикации, то есть реформы сверху, и речи быть не может. В-четвертых, в следующем году нельзя исключать продолжение этой дискуссии, возможно, с новым составом участников. Думаю, что пожизненное президентство будет выгодно основной части политической и бизнес-элиты, которая не представляет себе свое будущее без существующей системы властных отношений. Но здесь хотел бы подчеркнуть, что их устроит пожизненное президентство только действующего главы государства. По отношению к его преемнику данное положение вещей вряд ли подойдет для других политических игроков.

– В этих условиях кто, по-вашему, является политиком года?

– В стране, где отсутствует политическая конкуренция и реальная публичная политика, где основные рычаги управления страной находятся в руках нескольких элитных групп, предпочитающих кулуарную деятельность, номинация «политик года» вообще не может существовать. Хотя довольно часто те же самые ангажированные рейтинги чуть ли не каждый год отдают эту номинацию действующему главе государства, что лишь подтверждает мнение о том, что политика у нас – монополия действующей власти.

– Как вы думаете, насколько в этом году приблизилась или разошлась трещина между властью и народом? И что, на ваш взгляд, этому способствовало?

– В условиях, когда власть боится своего народа, а народ не доверяет власти, трещины никуда не денутся. И здесь не надо изобретать велосипед. Одним из механизмов, который через определенные промежутки времени сближает «слуг народа» и сам народ, являются выборы – честные, конкурентные и регулярные. Наличие мандата доверия от избирателя делает представителей власти более покладистыми. Наличие мандата доверия только от главы государства или отдельных представителей элиты делает представителей власти более заносчивыми. Все очень просто. У нас отсутствует «петля обратной связи», когда те, кто принимает решения, не знают, что реальное творится за окнами их служебных автомобилей. А те, кому приходится жить согласно этим решениям, никак не влияют на процесс их обсуждения, принятия и реализации. Все последние законодательные инициативы – яркое тому подтверждение. Взять хотя бы поправки, ужесточающие контроль над Интернетом, или же повышающие уровень уголовной ответственности за вмешательство в частную жизнь. Есть еще одна проблема. В Казахстане практически нет государственников, которые во главу угла ставят не групповые, а национальные интересы, при этом рассчитывая на электоральную поддержку народа.

– Противостояние власти и национал-патриотов во главе с Мухтаром Шахановым на почве разногласий по проекту Доктрины национального единства вроде бы на сегодня закончилось победой последних. Не кажется ли вам, что это событие является ярким примером роста гражданской активности населения?

– Я бы не стал торопиться с выводами. С одной стороны, власть публично пошла на уступки под давлением национал-патриотов и некоторых оппозиционных сил. Хотя выиграно только сражение, но не война. С другой стороны, возникает ощущение, что вся эта инициатива с доктриной напоминает некую ловушку, которую расставили как для оппозиции, так и для самого президента. Тем более, что при анализе внутриэлитных отношений обращает на себя внимание фактор так называемой «третьей силы», которая, судя по всему, находится внутри элиты, представляя собой объединение лиц или же союз нескольких влиятельных групп давления, которые пытаются контролировать силовиков. При этом действия «третьей силы» могут быть устремлены на целенаправленное провоцирование

конфликтных ситуаций в обществе для достижения таких целей, как нейтрализация потенциальных соперников или повышение своего статуса в глазах президента как единственной силы, на которую он может опереться. Хуже, если они увлекутся созданием и управлением социальными, международными и прочими конфликтными ситуациями.

– Кстати, о самой доктрине. Как вы думаете, в какой мере важно было в спешном порядке принятие такого документа?

– Частично я ответил на этот вопрос чуть выше. Хотя само появление Доктрины в очередной раз говорит о том, что Казахстан – страна подзаконных актов, инструкций и доктрин. Какой смысл был в ее появлении, если у нас есть Конституция? Речь идет об очередном конъюнктурном документе, у которого могут быть разные цели.

– Почему в этом противостоянии политические партии, кроме «Азата», остались сторонними наблюдателями?

– Ну, не все партии были в стороне. Тот же «Ак жол» предложил свой вариант Доктрины. Партия «Адилет» также высказала позицию по этому вопросу. Что касается остальных, то для одних это слишком опасная тема, чтобы обсуждать ее без согласования с администрацией президента, а у других просто нет своих альтернативных программ.

– Что вы ждете от наступающего года? В частности, могут ли состояться досрочные парламентские выборы?

– Процесс закручивания гаек приостановится в связи с нашим председательствованием в ОБСЕ. Но ослаблять их никто не будет. При этом следующий год будет богат на разного рода конфликты как внутри элиты, так и в самом обществе. Ведь основные источники напряжения, в том числе и в связи с последствиями кризиса, не ликвидированы. Что касается досрочных парламентских выборов, то они никак не повлияют на реформирование всей политической системы. Возможно, появится новая партия или очередное объединение пропрезидентских партий в качестве спарринг-партнера для «Нур Отана». Возможно, в парламенте будет не одна, а две партии. Но это, скорее, напоминает борьбу двух лысых из-за расчески, в которой всем остальным опять отведут роль массовки.

Более того, даже если бы президент и захотел проводить политические реформы, у него не оказалось бы в руках ни одного эффективного инструмента, будь то сильная партия или дееспособный парламент. Более того, он, возможно, столкнулся бы и с явным саботажем со стороны тех, кто заинтересован в сохранении status-quo. Хотя мы, скорее всего, уже упустили политическое время. При таких условиях угроза политического кризиса возрастает в несколько раз, так как в стране отсутствуют амортизационные подушки в лице сильных политических институтов, которые могли бы обеспечить ту же самую преемственность власти. Поэтому любые попытки сколотить из нескольких влиятельных элитных групп некий аналог советского Политбюро сразу же провалятся, так как долгосрочная политическая стабильность и преемственность политического курса не может базироваться на закулисных политических сделках.

– Спасибо, Досым, за искренние ответы! С Новым годом!

**Бакытгуль МАКИМБАЙ,
«D»**

Забастовка года

Нефтедобывающая компания «Разведка Добыча «КазМунайГаз» выполнила одно из главных требований нефтяников своего производственного филиала

«Озенмунайгаз», сняв с должности генерального директора предприятия Даулбая Абылгазиева.

Напомним, что в ноябре около 30 рабочих компании «Озенмунайгаз» провели акцию протеста, требуя отставки своего руководства и повышения зарплаты. Местные власти совместно с руководством «Озенмунайгаза» и представителями забастовщиков создали примирительную комиссию и пообещали протестующим до конца декабря выполнить их требования. В противном случае нефтяники намеревались продолжить акции протеста в более массовом порядке.

Генеральным директором ПФ «Озенмунайгаз» назначен Багыткали Бисекенов, ранее возглавлявший компанию «Эмбамунайгаз» – производственный филиал компании РД КМГ в Атырауской области.

Также с поста акима Жанаозена ушел Жалгас Бабаханов, отставки которого также требовали протестующие нефтяники и горожане. Они обвиняли акима в полном бездействии при решении социально-экономических проблем города и в попытках давления на голодающих нефтяников. Новым акимом протестующего города назначен 38-летний Орак Сарбопеев, в прошлом нефтяник, поднявшийся от простого мастера до начальника нефтегазодобывающего управления.

rus.azattyq.org